
Марина НЕМАРСКАЯ

* * *

Только сорок восемь часов в году
ты идешь, и я за тобой иду.

Все равно, что прошлое, что потом,
пробуй радость ртом.

Только сорок восемь часов в году
на объятъя, смех, хмельную езду,

затемненный номер средней руки
и расширенные зрачки.

Только сорок восемь часов в году
положись на падающую звезду,

и такая тишь воцарит кругом,
хоть в постель с врагом.

* * *

Зимний день. И зло забылось вроде.
Только под Христово Рождество
взвоят на беззвездном небосводе
вечность человека одного.

Вечность, развеселая попутка,
героин, с которого не слезть,
легким помутнением рассудка
запрягает нервную болезнь.

Словно из-под ног канатоходца
вырвали серебряную нить.
Падай же. Ведь все равно придется.
Вечности землей не заменить.

Марина Андреевна Немарская — поэт, литературовед, преподаватель. Периодика: «Вечерний Петербург», «Зарубежные задворки», «Урал-Транзит», «Молодой Петербург», «Литературная газета», «Дети Ра», «Зинзивер», «Нева», и др. Лауреат международного конкурса искусств «Новые имена» (2002). Лауреат Открытого Международного чемпионата Балтии по русской поэзии (2013, 2014). Приз литературного портала «Русский переплет» (2014). Финалист Международного литературного конкурса имени М. А. Волошина (2014). Финалист Международного литературного конкурса имени Ф. И. Тютчева (2014). Лауреат литературной газеты «Поэтоград» (2014, номинация «Поэзия»). Критические отклики: «Зарубежные задворки», «Дети Ра». Живет в Санкт-Петербурге.

СКАЗКА

Здравствуй, мой груз двести,
позади все напасти.

Вот тебе в путь крестик,
погребальные снасти.

Вот тебе суть мести,
переворот власти.

«Сказка о злой невесте
и безмозглом фантасте».

Вот тебе честь по чести,
светотени в контрасте.

Танцы на Эвересте.
Вечное сияние страсти.

ПЕСНЯ ГОРДОСТИ

Он говорит с одной моей Мариной,
Мариною одною занят он...

А. Пушкин

Храм. С кремлевских даров, —
причитай да глазей:

голубая, мол, кровь,
дочь польских князей,

с кем свенчалась, каков?
Хоть попа не мерзей?

Молод, щедр, здоров?
От врагов, из друзей?

Впрямь опрятнее поп.
Да на что ж тебе, мать,

этот пьяный холоп?
Разве руки чесать

об тебя. От стыдоб
будешь вянуть-линять.

Что не по лбу, то в лоб,
что ни ласка, то ...ь.

Что дрожишь от свечи,
взор уткнула в алтарь?

С подвенечной парчи
жемчуга, киноварь...

Говорят. Горячит.
Голосит пономарь

за спиной. И молчит
рядом Дмитрий мой, царь.

* * *

Святой отец, чудны твои дела,
когда ты повторяешь все сначала.
Мне кажется, что я уже была
его женой и я не замечала

других людей, как небо над собой
не видишь по пути домой из храма,
покуда взор иссиня-голубой
блуждает по окрестным панорамам.

Мне кажется, сменились времена,
миры померкли и взошли из праха,
а я опять вздыхаю у окна:
Родной, ты скоро? Не забудь про сахар.

* * *

Одиночество-одиночество,
без тебя ничего не хочется.

Без тебя ни во что не верится,
будто вера тобой и меряется.

Будто благость какая кроется...
Ты и зверь, и святая троица.

Третьим кругом ведешь, не мешкая,
за собой через тьму кромешную.

И хохочешь, когда я падаю
в трех шагах от преддверья ада.

Чтобы там, за хмельными тризнами,
превратился в золу мой избранный.

* * *

Там, где Ириновский проспект
впадает в улицу Коммуны,
метель листает, как конспект,
деревьев ветреные руны.

И небо в воздухе скитов
слезливей, чем чернильный стержень.
Сквозь монастырь идешь, никто
среди живых уже не держит.

Здесь напрямик от суеты
в слепую даль ведет дорога,
в твой мир иной, ведь только ты
здесь говоришь с собой и Богом.

И слышишь свет и видишь смех
родного первенца, и, словно
прощаясь, ты прощаешь всех.
За все. Посмертно. Поголовно.